

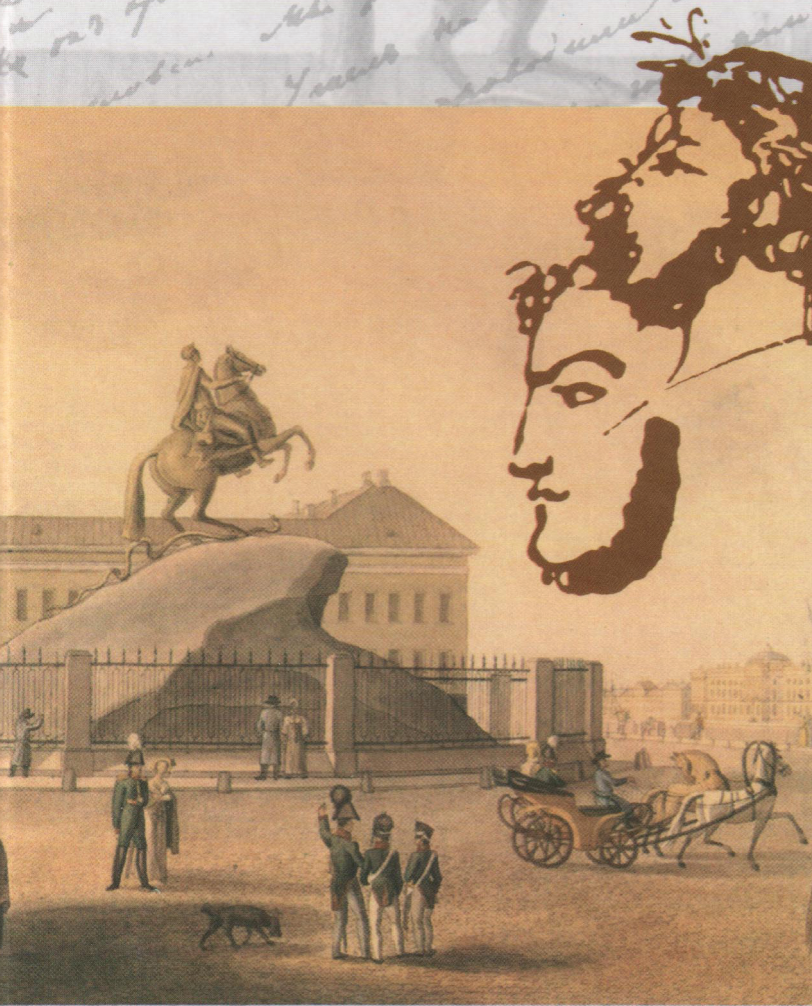

Д. П. Ивинский

ПУШКИН

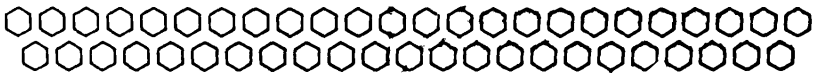
И МИЦКЕВИЧ

История литературных отношений

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Д. П. Ивинский

ПУШКИН
И МИЦКЕВИЧ

История
литературных отношений

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2003

ББК 83.3(2Рос-Рус)1
И 17

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16231

Ивинский Д. П.

И 17 Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений.—
М.: Языки славянской культуры, 2003.— 432 с.— (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-141-1

Данная книга представляет собой опыт описания истории литературных отношений Пушкина и Мицкевича на основе верификации биографических фактов и систематизации установленных межтекстовых взаимодействий. При этом на первом плане остается именно Пушкин, его отношение к Мицкевичу и характер усвоения таких произведений польского поэта, как «Сонеты», «Конрад Валленрод», «Отрывок» III части «Дядю». Отдельно рассматривается история текста посвященного Мицкевичу стихотворения «Он между нами жил...». В двух приложениях представлены сводка подтверждаемых источниками сведений об общении русского и польского поэтов, а также очерк истории формирования мифа о Пушкине и Мицкевиче.

Книга может оказаться полезной пушкинистам, специалистам по истории русской и польской литературы и сравнительному литературоведению.

83.3

В оформлении переплета использованы: рисунки А. С. Пушкина на листе с черновиками поэмы «Тазит» (автопортрет и портрет А. Мицкевича), гравюра «Сенатская (Петровская) площадь. Памятник Петру I», 1820-е гг.

Дмитрий Павлович Ивинский

ПУШКИН И МИЦКЕВИЧ
История литературных отношений

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет изготовлен Л. Кисличенко

Корректор А. Зарецкий

Художественное оформление переплета

С. Жигалкина и Ю. Савича

Художественный консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 24.09.2003. Формат 60 × 90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. печ. л. 27. Заказ № 3334.

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>; <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»

Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.

214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

© Д. П. Ивинский, 2003

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	11
Глава I. Предыстория	23
Польский вопрос. — В Новогрудке и в Царском Селе. — Польский мундир Александра I. — Карамзин. — В Вильне и в Петербурге. — Дорога в Россию. — Русские литераторы. — На Юге. — Каролина Собаньская. — Граф Густав Олизар. — Поэзия и история.	
Глава II. Знакомство. Первые встречи. 9.IX.1826 — 1.XI.1826	48
Обед у Хомякова. — Письмо Малевского. — Мицкевич о тайной аудиенции. — «Борис Годунов». — Рекомендации Норова. — Вяземский. — Салон княгини Волконской. — Моавитяне и Чечот. — Записка Соболевского и ответ Мицкевича: дядя или племянник? — 11 октября 1826 г. — Импровизации.	
Глава III. В кругу московских литераторов. 20.XII.1826 — 19.V.1827	71
Письмо Мицкевича к Одынцу. — «Бахчисарайский фонтан» в переводе Адама Рогальского. — «У ужа нет груди». — 19 февраля 1827 г. — «Конрад Валленрод»: воспоминания Скальковского. — Проводы Пушкина. — Пушкин, Мицкевич и Москва. — Статья Вяземского о «Сонетах». — Мицкевич о байронизме Пушкина. — Вяземский о байронизме Мицкевича.	
Глава IV. Пушкин и «Сонеты»	90
Пилигрим и тайна. — «Пушкинский подтекст» «Крымских сонетов». — «В прохладе сладостной фонтанов...» — «Отрывки из путешествия Онегина». — «Осень (отрывок)». — «Капитанская дочка».	

- Глава V. В Петербурге. 4.XII.1827 — 27.I.1828** 151
 Жуковский. — Воспоминания Скальковского. — Скальковский, Шевырев и Пушкин. — 13 декабря 1827 г. — Письмо Мицкевича Одынцу. — Булгарин и фон Фок. — Воспоминания Пржецлавского: Пушкин, Мицкевич и Собаньская. — Пржецлавский, Моравский и Полевой о невежестве Пушкина. — Когда состоялась встреча у Собаньской? — Портреты Ваньковича.
- Глава VI. В Петербурге. 22.IV. — 19.X.1828** 175
 Отъезд Мицкевича в Петербург. — Воспоминания Кс. Полевого. — Импровизация в гостинице Демута: воспоминания Вяземского и др. — Обед у Перовского. — Пушкин, Мицкевич, Крылов, Вяземский. — Слепушкин. — «Борис Годунов» у Лавалей. — К Лениным. — Поездка в Кронштадт: с Мицкевичем или без? — «Некоторые возражения о нравственном характере...»
- Глава VII. Пушкин и «Конрад Валленрод»** 187
 «Байронизм». — Новосильцов и Вяземский. — «Конрад Валленрод» и «Полтава». — Пушкинский перевод. — Три поэмы в одной. — «Ситуация Валленрода»: «Тазит», «Мозарт и Сальери», «Дубровский», «Ты просвещением свой разум осветил...», «Полководец». — Гринев и Швабрин.
- Глава VIII. В Петербурге и Москве: последние встречи** 208
 У Дельвига. — «Борис Годунов»: воспоминания барона Розена. — «Графу Олизару», «Борис Годунов», III часть «Дядюв». — «Полтава» и «История Малороссии». — Покидая Россию.
- Глава IX. «Он между нами жил...»** 221
 Восстание в Варшаве. — Заметки Вяземского. — «Клеветникам России». — «К русским друзьям». — «Он между нами жил...»: история текста и литературный подтекст.
- Глава X. «Медный Всадник» и «Отрывок» III части «Дядюв»** 287
 «Медный Всадник», «Памятник Петра Великого», «Олешкевич»: наблюдения Третьяка. — Третье примечание и граф Хвостов. — Хвостов и Рубан. — Самсон и ветхозаветные пророки. — Иов и Олешкевич. — Параллели и переключки. — Монолог русского поэта. — Пушкин,

Мицкевич, Вяземский. — Испанский плащ Мицкевича. — 17 декабря 1827 г. — Биография и литература.	
Глава XI. «Дорогие враги»: подведение итогов	325
Баллады. — «Пиковая Дама», «Медный Всадник», «Отрывок» третьей части «Дзядов»: Наполеон и Мефистофель, Олешкевич и Сен-Мартен. — «Пиковая Дама» и «Воевода». — «Пиковая Дама» и «Будрыс и его сыновья». — Пушкин, Мицкевич и Петр I. — «Пушкин и литературное движение в России». — Перевод Вяземского. — Вяземский, Бартенев, Пржецлавский. — Пушкин, Мицкевич, Байрон. — Посмертное ходатайство Пушкина. — «Голос с того света».	
Приложение I. Материалы к истории отношений	
Пушкина и Мицкевича	340
Приложение II. Пушкин и Мицкевич: культурный миф	380
«Утраченный рай» и деградация. — Юбилейный оптимизм. — Литературное единомыслие. — Свободолюбие и сервиллизм. — «Единая семья» народов и «песня ненависти». — Культурный миф и историческая катастрофа. — Становление мифа: современники. — Развитие мифа: историко-литературные сочинения и апокрифические мемуары. — «Игра» и «серьез».	
Литература	402
Указатель имен	424

Павлу Ивановичу Ивинскому

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена теме, которая многократно привлекала внимание исследователей (преимущественно славистов), но до сих пор рассматривается, как правило, в качестве «узкоспециальной» или даже экзотической. Русские исследователи жизни и творчества Пушкина если и останавливаются на тех или иных эпизодах его знакомства с Мицкевичем, то, за редкими исключениями, — вскользь, как бы между прочим. Показательно, в частности, что в многочисленных жизнеописаниях Пушкина весьма редко подчеркивают важность «польской темы» в духовной биографии поэта. Но и ученые, значение этой темы понимающие, считают нужным отметить ее специфический характер. Так, например, в недавно опубликованном предисловии Ю. М. Лотмана к польскому изданию его биографии Пушкина читаем: «(...) если бы книга писалась как адресованная польскому читателю, то проблема “Пушкин и Польша” должна была бы занять в ней подобающее место. Однако и при обращенности к русскому читателю аспект этот оказался в печатном варианте книги более сокращенным, чем это следовало бы» (Лотман 1995а, 88). Из этого чрезвычайно интересного признания (ученого можно понять и так, что он столкнулся с цензурными сложностями при прохождении его книги в печать) как будто следует, что вопрос о польских отношениях Пушкина важен в первую очередь все же не для русских, а для польских читателей.

Полагаем, что дело обстоит прямо противоположным образом. «Польский вопрос», с которым неизбежно приходится соотносить историю отношений Пушкина с Мицкевичем, на всем протяжении девятнадцатого и в начале двадцатого веков (а в определенном смысле и позднее) был одним из наиболее существенных, сложных и противоречивых вопросов самой русской государственности, русской общественной жизни, русского национального самосознания. Этот вопрос был одной из тех «лакмусовых бумажек», которые безошибочно опре-

деляли нравственное состояние русского общества и политическое положение государства.

Но и в контексте духовной биографии Пушкина тема эта имеет совершенно исключительное значение: Мицкевич оказался *единственным* европейским поэтом, соизмеримым по своему литературному дарованию с Пушкиным, с которым нашему поэту суждено было установить личные отношения, причем отношения эти оказались длительными и плодотворными. Поэтому история литературных отношений Пушкина и Мицкевича может и даже должна рассматриваться как одна из центральных тем русского пушкиноведения.

Разумеется, решение задачи изменения статуса какой бы то ни было научной проблемы невозможно без анализа уже существующих исследований. Весьма рано была осознана важность проблемы «Пушкин — Мицкевич» для русско-польского диалога (Веселовский 1859, 3—5; Спасович 1887; Спасович 1891; Kallenbach 1897, 223—229; Дедов 1899; Brückner 1906, 6—8) и для изучения того течения романтизма, которое связано с именем Байрона (Zdziechowski 1894—1897, II, 156—158; Tretiak 1899). Преимущественно внимание исследователей было направлено на изучение полемики Пушкина с Мицкевичем в «Медном всаднике» (Спасович 1887; Tretiak 1889; Tretiak 1906, 189—303; Tretiak 1900; Brückner 1939; Lednicki 1932; Lednicki 1939; Lednicki 1955; Lednicki 1956; Klejner 1948, II, 417—462; Lo Gatto 1956; Fiszman 1967; Эйдельман 2000, 266—282), проблемы текста и идейной структуры стихотворения Пушкина «Он между нами жил...» (Гофман 1922; Гофман 1924; Lednicki 1924; Lednicki 1926, 162—212; Цявловский 1962, 178—206), пушкинских переводов баллад Мицкевича (Gorlin 1939; Тус 1939; Lednicki 1956, 43—45; Хорев 1956; Grosbart 1964; Grosbart 1965; Grosbart 1968; Grosbart 1968а; Grosbart 1973; Левкович 1974; Венцлова 1980; Новикова 1995, 100—128; Хорев 2000), статьи Мицкевича «Пушкин и литературное движение в России» (Mickiewicz 1872, 306—332; Lednicki 1934; Jakóbiec 1948), также ключевые эпизоды личного общения поэтов (Вержбовский 1898; Lednicki 1926; Lednicki 1956; Виноградов 1928; Цявловский 1962, 157—178; Gomolicki 1949). Вацлав Ледницкий предпринял исследование реминисценций из Мицкевича в творчестве Пушкина (Lednicki 1939; Lednicki 1955; Lednicki 1956); Н. В. Измайлов доказал, что стихотворение Пушкина «В прохладе сладостной фонтанов...» посвящено Мицкевичу и связано с его «Сонетами» (Измайлов 1952; Измайлов 1976, 125—173, ср.: Благой 1940, 312—314; Gorlin 1957, 157—161; Благой 1967, 222, 684; Жвов 1956, 218—219; Слонимский 1959, 146; Цявловский 1962, 178 п -

меч. 48; Томашевский 1990, 541—542 и 567 [примеч. 56]; Ланда 1976, 306—307). Целый ряд исследователей сосредоточился на рассмотрении темы «Пушкин — Мицкевич» в широком контексте отношений Мицкевича с русской литературно-общественной средой (Виноградов 1928; Czernobajew 1934; Lednicki 1935; Цявловский 1940; Fiszman 1947; Fiszman 1949; Fiszman 1956; Fiszman 1962; Живов 1956; Стахеев 1955; Беккер 1955; Кушаков 1978; Dworski 1983; Вацуро 1973; Вацуро 1978; Вацуро 1988). Увидели свет также несколько работ, авторы которых стремились к обобщению и систематизации накопленного материала (Lo Gatto 1925; Тарановский 1937; Coleman 1937; Lednicki 1956; Мочалова 2000). Что касается включенных в «пушкинский контекст» произведений Мицкевича, то на первом плане всегда были два стихотворения из «Отрывка» III части «Дядюв» — «Памятник Петра Великого» и «К русским друзьям». Интерпретация первого из этих стихотворений оказывалась в зависимости от того, как решался вопрос о его биографическом подтексте: одни исследователи видели в «русском поэте», произносящем пророчество о грядущей гибели тирании, Рылеева (Blüth 1927; Blüth 1927a; Blüth 1984, 71—91), другие же настаивали на восходящем к Одынцу и Вяземскому мнению, что Мицкевич в этом образе русского поэта вывел именно Пушкина (Дубровский 1859, 420; Берг 1872, 435; Спасович 1887; Brückner 1939; Lednicki 1955; Цявловский 1962, 189—190 [примеч. 91]); в настоящее время «рылеевская версия» исследователями обычно уже не рассматривается как сколько-нибудь основательная (ср., напр.: Galster 1991, 6). Второе стихотворение интересовало исследователей преимущественно в контексте проблем, связанных с т. н. «антипольской трилогией» («Бородинская годовщина», «Перед гробницею святой...», «Клеветникам России») Пушкина (Lednicki 1926; Францев 1929).

Как видим, тему «Пушкин — Мицкевич» сложно отнести к разряду малоисследованных; к тому же мы упомянули сейчас лишь о наиболее содержательных исследованиях, оставив в стороне весьма значительное число популярных сочинений: полная библиография вопроса, составление которой остается делом будущего, вероятно, значительно превысила бы объем нашего труда (см.: МРП; ПХЛМ; МЗВ; Bibliografia 1976; Bibliografia 1991; Toporowski 1950; Świdziński 1992).

Вместе с тем едва ли не все связанные с избранной нами темой частные проблемы (исключение составляют, пожалуй, только пушкинские переводы баллад Мицкевича, изученные весьма основательно) далеки от разрешения, а в целом ряде случаев сформулированы недостаточно корректно, либо даже вообще еще не поставлены. До сих

пор отсутствует полный критический анализ источников сведений о личных контактах поэтов (встречи, отзывы друг о друге), без чего в принципе невозможно создание целостной истории их отношений; некоторые из этих источников, считающиеся апокрифическими (мемуары Пржещлавского и А. О. Смирновой), требуют особенно внимательного к себе отношения. По существу не исследованы пушкинские отклики на книгу Мицкевича «Сонеты», одно из двух (наряду с «Конрадом Валленродом») центральных произведений, созданных польским поэтом в России. Мы считали необходимым рассмотреть исключительно важное воздействие сюжетной структуры «Конрада Валленрода» на целый ряд произведений Пушкина 1830-х гг. Все еще недостаточно изучена система внутренних связей таких произведений Пушкина, как «Медный всадник», «Пиковая Дама», «Воевода», «Буря и его сыновья»; между тем есть основания полагать, что связь эта проясняется именно в «мицкевичевском» контексте. Особая проблема, до сих пор также далекая от удовлетворительного решения, — история текста стихотворения Пушкина «Он между нами жил...» и вопрос о его окончательной редакции. Наконец, требует внимания тот крайне своеобразный миф о Пушкине и Мицкевиче, который сложился вскоре после смерти русского поэта и в определенной степени сохраняет свое значение до сих пор.

Наша работа представляет собой опыт создания истории отношений русского и польского поэтов на основе подробного исследования всех этих проблем. Необходимо подчеркнуть, вместе с тем, что нашим основным предметом является биография и творчество Пушкина: поэтому мы, как правило, не касаемся вопросов его влияния на Мицкевича (исключения делается только для тех эпизодов истории литературных отношений поэтов, которые в принципе не могут быть описаны адекватно без учета именно взаимного влияния; так, «Крымские сонеты», возникшие под несомненным влиянием Пушкина, в свою очередь, вызвали целый ряд откликов в произведениях русского поэта); именно поэтому мы не касаемся недостаточно проясненного, но, кажется, не праздного вопроса о «влиянии» «Евгения Онегина» на «Пана Тадеуша».

Предлагаемое исследование естественным образом оказывается вовлечено в контекст сравнительного литературоведения.

Поль ван Тигем, один из «отцов» европейской компаративистики, был убежден, что она является если не самостоятельной наукой, то по крайней мере «ветвью», самостоятельной отраслью истории литературы и обладает своими собственными методами. Бурное развитие

сравнительного литературоведения если не развеяло, то по крайней мере поставило под сомнение эти утверждения, многими воспринятые как безусловно справедливые. Скоро выяснилось, что приемы «сравнительного анализа» остаются в принципе неизменными, независимо от того, идет ли речь о сопоставлении текстов, принадлежащих к разным национальным литературным традициям или к одной и той же, не говоря уже о том, что сопоставление текстов — необходимое условие всякого филологического исследования. Не менее очевидным представляется и тот факт, что компаративистика использует все те методы, которые характерны для поэтики, стилистики, стиховедения, мифологии и других «отделов» или «разделов» филологии (подробнее см. об этом хотя бы: Janaszek-Ivaničková 1980, 136—138). Собственно, специфика компаративистики заключается в выборе материала и проблематики: исследование и описание «влияний» и «источников».

В настоящей работе мы исходим из предположения, что основной целью подобных исследований является не столько создание универсальных моделей развития «мировой литературы» или «литературной панграмматологии» («la pangrammatologie de la littérature»), сколько интерпретация текстов, которая понимается нами как результат историко-литературной реконструкции прежде всего того ряда значений, который был актуален для автора данного текста и (в определенной мере) для читателей-современников. При этом мы считаем само собой разумеющимся тот факт, что авторская интенция никогда не совпадает с читательскими ожиданиями и что это несовпадение оказывается особенно заметным и принципиальным (т. е. имеющим более или менее существенное значение для истории литературы или даже истории культуры в целом), когда речь идет о чтении одного «сильного» поэта другим, столь же «сильным».

Проблема, однако, состоит в том, что борьба, имевшая место в действительности, может впоследствии забываться и сглаживаться, а реальная картина идеологического и литературного противостояния подменяться мифом о единстве. Мы постараемся показать, что именно так произошло с Пушкиным и Мицкевичем, история отношений которых была осмыслена как идиллическая картина морального и эстетического единства двух крупнейших поэтов славянского мира. Не стремясь, конечно, к дискредитации этого мифа, мы считаем необходимым его внимательный и беспристрастный анализ: несмотря на то, что в истории культуры имеет значение не только (часто и не столько) то, что было «на самом деле», но и то, чего «не было», наука (постоль-

ку, поскольку она сознает себя таковой) обречена на то, чтобы стремиться отделить «бывшее» от «не-бывшего».

Интерпретация литературного текста, ее методы и границы — центральная теоретическая проблема литературоведения, которая вряд ли может быть решена «окончательно»: с определенной точки зрения «теория литературы» предстает как история возникновения «универсальных» концепций, возникающих в ходе литературной борьбы, развивающихся, затем деградирующих и сменяющих друг друга; понятно, что в тот момент, когда это движение прекратится, исчезнет сама теория. Наша работа не является ни попыткой демонстрации на определенном материале какой-то новой, нами вводимой в оборот концепции, ни иллюстрацией возможностей какой-то иной теории, выдвинутой до нас. Задача, которую мы ставим перед собой, принципиально иная: она заключается в создании научного текста, категориальный аппарат которого не противоречил бы принципиально (абсолютное «совпадение» здесь, разумеется, невозможно в принципе) культурным языкам литературной эпохи, к которой мы обращаемся, и позволил бы отразить (в той степени, в какой мы можем это сделать) свойственный ей самый характер литературного мышления; теория, с этой точки зрения, может быть лишь результатом постижения внутренней логики истории литературы, а в конечном счете — истории как таковой. Единственный способ обрести теорию, т. о., — признать ее невозможность вне истории, если угодно, ее *смерть*; об этой смерти мы, признаемся чистосердечно, готовы сожалеть существенно менее, чем о той, которая была некогда компетентно констатирована Бартом. Во всяком случае, мы полагаем, что *смерть автора* есть некий необходимый результат его *жизни*, и в данной работе нас интересует именно последняя.

Мы также думаем, что и история народов, и история литературы складывается из «частностей» и выражается в «частностях»; «закономерности» — чаще всего не более чем условная форма, в которую облакаются интерпретации биографических фактов. Может быть, наиболее показательными являются те интерпретационные опыты, которые предпринимаются «на границе» «своих» и «чужих» идеологий, литератур и биографий и которые никогда не имеют «окончательно-го» характера. При этом мы исходим из предположения о мотивированности всех элементов структуры данного текста и системы отношений его с другими текстами, литературным контекстом, подтекстом и внетекстовой реальностью.

Особое значение приобретает проблема языка: не зная языка, мы не сможем понять текст, написанный на этом языке, т. е. не сможем осуществить перевод с чужого языка на свой. Это обстоятельство представляется чем-то само собой разумеющимся в сфере перевода с одного естественного языка на другой, но это же, казалось бы, самоочевидное обстоятельство далеко не всегда учитывается в сфере историко-литературной интерпретации. Между тем историк литературы не может избежать роли переводчика: в любую историческую эпоху на основе русского (или какого-либо другого) языка функционирует несколько различных языков культуры. В этом смысле умение читать по-русски (или на каком-то другом языке) не может быть признано достаточным условием для понимания культурных текстов, созданных на этом языке. Каждый тип культуры, складывающийся в рамках той или иной национальной истории, модифицирует естественный язык, отбирая значимые для себя компоненты и отодвигая на периферию то, что еще недавно могло находиться в центре. Мало того, сам по себе естественный язык служит лишь материалом культурного строительства — в том смысле, что каждый культурный текст, созданный на его основе, фиксирует содержание, в естественном языке, в «языке-как-таковом» не заключенное. Поэтому всякая попытка понимания текста, созданного на родном естественном языке, неизбежно предполагает возможность перевода с языка той культуры, к которой принадлежит и которую призван выражать этот текст, на язык той культуры, носителем которой выступает «переводчик». И ему, разумеется, остается только надеяться, что его язык «окажется достаточно широк для того, чтобы вместить в себя — в некотором отраженном виде — и другие языки культуры» (Михайлов 1997, 875).

Проблема языка неотделима от проблемы межтекстовых отношений: описать язык культуры на материале одного текста, видимо, невозможно. К тому же ощущение своеобразия текста (культуры) возникает лишь тогда, когда этому тексту (культуре) противопоставляется другой текст (культура), организованный иначе.

Формы межтекстовых связей описывались и систематизировались неоднократно, наиболее ясно и последовательно — К. Ф. Тарановским. Разграничив понятия литературного контекста (группа текстов, «содержащих один и тот же или похожий образ» [Тарановский 2000, 31]) и подтекста («уже существующий текст, отраженный в последующем, новом тексте» [Тарановский 2000, 31]), исследователь выделил четыре типа подтекстов. «(1) текст, служащий простым толчком к созданию какого-нибудь нового образа; (2) “заимствование по ритму и зву-

чанию" (повторение какой-нибудь ритмической фигуры и некоторых звуков, содержащихся в ней); (3) текст, поддерживающий или раскрывающий поэтическую посылку последующего текста; (4) текст, являющийся толчком к поэтической полемике» (Тарановский 2000, 32).

Четкую границу между подтекстом и контекстом можно провести лишь в том случае, если мы имеем дело с цитатой, более или менее точной. Во всех других случаях (различные типы неточного цитирования, реминисцирования, реминисцентные ассоциации и т. д.) мы можем оценить лишь степень вероятности того, что в подтекст данного текста входит именно такой-то другой текст. Для того, чтобы иметь возможность это сделать, видимо, необходимо выйти за рамки собственно литературной проблематики и обратиться как к материалу истории идей, так и к биографическим фактам; поэтому в данной работе мы не смогли и, собственно говоря, не считали нужным ограничиться рассмотрением одного «литературного ряда». Не менее важным представляется и то очевидное обстоятельство, что в различные литературные эпохи само взаимодействие текстов («влияние») понимается по-разному.

В восемнадцатом веке в России «влияния» были фактом литературного этикета, который предполагал сознательную ориентацию на европейские литературные образцы. Русская литература создавалась как литература европейского типа и при этом рассматривалась как равноправная европейским. Ср.: «Русская литература уже Кантемиром мыслилась не ученической, но равноправной европейским литературам (...). Литературный этикет эпохи требовал влияний и воздействий: подражание мыслилось как состязание и борьба с классиком» (Песков 1989, 7). При этом апелляция к западноевропейской литературной ситуации, западноевропейским вкусам, практике конкретных авторов и репутации отдельных текстов была одним из наиболее устойчивых приемов литературной полемики. Когда, скажем, Сумароков счел необходимым напомнить Екатерине II о своих литературных заслугах, он в письме к ней от 3 мая 1764 г. не преминул отметить: «(...) сколько я России по театру сделал, и вся Европа ведаёт, а особливо Франция и Волтер» (Русская беседа. 1880. Кн. 20. Т. 2. С. 233. Ср.: Заборов 1978, 20).

Эпоха романтизма исходит из существенно иной модели взаимодействия литератур. В это время значение придается не принципу перенесения чужих образцов на русскую почву как таковому, а соотношению того, что романтики называют «духом века», с национальными литературными традициями. Именно в первой половине 1820-х гг.

русский романтизм, делающий еще первые шаги, создает парадоксальную модель осмысления межлитературного обмена. Выясняется, что можно говорить о близости или единстве творческих позиций авторов, представляющих различные литературы, даже при отсутствии «заимствований», «подражаний», прямых «влияний» и т. под.

Особую роль в формировании подобного взгляда в России сыграл князь П. А. Вяземский, который и в знаменитых своих статьях о пушкинских поэмах, и в рецензии на сонеты Мицкевича подчеркивал отсутствие «ощутительного подражания» Байрону в произведениях русского и польского поэтов. В «Цыганах», которые Вяземский соотносил с байронической традицией, как в то же время выяснялось, «нет (...) подражания (...) подлежащего уликe». В статье о Мицкевиче Вяземский писал по существу о том же: «(...) некоторые из польских сонетов могут быть поставлены наравне с лучшими строфами английского поэта. Из этого не следует, что наш соплеменник подражал ему, хотя, может быть, влияние поэзии его действовало и на поэзию сонетов» (Вяземский 1984, 67). Итак, Вяземский последовательно разграничивает понятия «подражание» и «влияние». Более того, он, видимо, говорит о том «влиянии», которое выражается не в каких-то конкретных словесных переключках, цитатах или реминисценциях, а в духовном единстве эпохи: «Поэзия шотландского барда, светило нашего века, как светило дня проникает нечувствительно или, лучше сказать, неисследуемо и туда, где неощутительно, неочевидно непосредственное действие лучей его: оно то потаенным образом растворяет сокровенные тайники, то проливает отсвет блеска своего на вещества самобытные, не подлежащие его творческой силе. Вездесущее, оно всюду постигаемо, хотя и не повсюду явно. Кажется, в нашем веке невозможно поэту не отозваться Байроном, как романисту не отозваться В. Скоттом, как ни будь велико и даже оригинально дарование и как ни различествуй поприще и средства, предоставленные или избранные каждым из них по обстоятельствам или воле. Такое сочувствие, согласие нельзя назвать подражанием: оно, напротив, невольная, но возвышенная *стачка* (не умею вернее назвать) гениев, которые, как ни отличаются от сверстников своих, как ни зиждательны в очерке действия, проведенном вокруг них Провидением, но все в некотором отношении подвластны общему духу времени и движимы в силу каких-то местных и срочных законов» (Вяземский 1984, 67). Итак, как выясняется, можно подражать, не подражая. Более того, это странное «подражание» оказывается «невольным» и как бы независимым от намерений автора и во всяком случае не свидетельствует о его несамом-

стоятельности; к тому же и «Байрон не изобрел своего рода: он вовремя избран был толмачом поколения с самим собою. Он положил на музыку песню поколения (...)» (Вяземский 1984, 68—69).

Итак, концепция Вяземского предполагала весьма значительную свободу текста от «образца»; показательно, что русский романтизм в его наиболее значительных проявлениях («Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Маленькие трагедии») опирался не на поэтику подражания «образцам», а на поэтику литературной игры, на принцип разнопланового обыгрывания «образцов». Игровое отношение к текстам-предшественникам нашло выражение, в частности, в особом типе структурирования читательской аудитории: литературный текст строился в расчете на качественно различное восприятие по крайней мере двумя различными группами читателей. Конечно, автор адресовал свое произведение всему тому кругу просвещенных современников, которые не чуждались чтению литературных сочинений и мнение которых было для автора не вполне безразличным. Но в первую очередь романтический автор обращался к узкому кругу посвященных, истинных знатоков, способных адекватно оценить соотношение текста и подтекста (ср.: Лотман 1995, 414). Поэтому, например, в пушкинском контексте особое значение приобретает восприятие Вяземского, его отзывы о «Медном Всаднике», а в мицкевичевском — воспоминания Одынца (само собой разумеется, что эти источники, как и любые другие, требуют критического анализа).

* * *

Фрагменты нашей работы печатались ранее в составе монографий (Ивинский 1993; Ивинский 1994; Ивинский 1999) и отдельными статьями (см. в т. ч.: Ивинский 1989; Ивинский 1989а; Ивинский 1998; Ивинский 1998а; Ивинский 1998б; Ивинский 1998в; Ивинский 1999; Ивинский 1999а; Ивинский 1999б; Ивинский 2000; Ивинский 2000а; Ивинский 2000б). Текст глав, посвященных пушкинскому восприятию «Сонетов» и «Конрада Валленрода», во многом опирается на курс лекций «Из истории литературных отношений эпохи романтизма: Пушкин и Мицкевич», прочитанный нами на филологическом факультете МГУ во втором семестре 1997 — 1998 учебного года. Некоторые наблюдения над текстами Пушкина и Мицкевича были обнародованы нами на научных конференциях «Ломоносовские чтения» (МГУ, апрель 1996), «Виноградовские чтения» (МГУ, январь 1998), «Адам Мицкевич и Россия» (МГУ, апрель 1998), «Пушкин и Мицкевич» (Гос. музей

А. С. Пушкина, май 1998), «А. С. Пушкин и мир славянской культуры» (Институт славяноведения РАН, ноябрь 1998), «Адам Мицкевич: Научная конференция к 200-летию со дня рождения» (Музей-усадьба Остафьево «Русский Парнас», декабрь 1998), «Евгений Онегин»: «... даль свободного романа» (Гос. музей А. С. Пушкина, февраль 1999), «Пушкин и Прешерн» (МГУ, май 2000), «Пушкин и духовная культура его времени» (Гос. музей А. С. Пушкина, февраль 2001). Некоторые наши прежние суждения в настоящей книге корректируются.

Все переводы иноязычных текстов, за исключением особо оговоренных случаев, принадлежат нам. Поскольку перевод — всегда интерпретация, в той или иной степени субъективная, а следовательно, не может претендовать на значение источника, мы в подавляющем большинстве случаев приводим также текст оригинала.

Приносим самые искренние извинения читателю за обилие цитат в этой книге: нам казалось, что интереснее комментировать именно чужие тексты, а не собственные их пересказы. Кроме того, в тех случаях, когда это казалось возможным, мы старались предоставить источникам возможность «говорить» «самостоятельно»; мы лишь пытались уточнить сложившиеся представления о заключенных в них смыслах и несколько эти смыслы систематизировать. Основной критерий адекватности этих «уточнений» и этой «систематизации», из которого мы исходили, — их способность «выдержать» все известные нам факты.

Считаем своим долгом выразить благодарность коллегам, которые своими советами и замечаниями оказали нам помощь в работе над книгой.